

Романтический и реалистический типы поведения в сознании Пушкина

Распространенное мнение о гармоничности природы Пушкина, доведенное до логического предела, предполагает отсутствие движения и эволюции в его жизнедеятельности. Так, например, Д.С. Мережковский писал: «Отсутствие болезненного разлада, который губит таких титанов, как Байрон и Микеланжело, гармония природы и культуры, всепрощения и героизма, нового мистицизма и язычества – в Пушкине естественный и произвольный дар природы. Таким он вышел из рук Создателя. Он не сознал и не выстрадал своей гармонии» (1, с.149). Мережковский и прав и не прав. Поэтический дар – это прежде всего дар цельности. И чем более гармонична эта цельность, тем выше гений поэта. Но осознание дарованного природой и овладение им приходит к Пушкину не сразу и не просто.

Точнее выразился Б. Томашевский: «В творчестве своем Пушкин как бы строит свою жизнь, воспитывает свой характер, воплощает в себе свой идеал человеческой личности... Пред ним постоянно возникает идеал гармонии, перерождающей и очищающей страсти» (2, с.485). Лицейские годы, характеризуя которые И. Пущин напишет, что Пушкину недоставало такта в общении, и годы наступления зрелости, в которые, по словам Белинского, Пушкин обретает такт действительности, разделяет период напряженных жизненных и творческих исканий. Читатели произведений Пушкина, восхищающиеся простотой и естественностью его языка, в котором тактичность выражения мысли доведена до совершенства, могут оценить, какую огромную работу проделал поэт над собой, чтобы свои слабости и уязвимые места сделать своими главными достоинствами. «Такт действительности» - это не просто знание общих истин, это способность адекватно воспринимать каждую конкретную жизненную ситуацию, без чего невозможно гармоническое вписывание в жизнь.

И в жизни, и в творчестве Пушкин проходит путь от романтической склонности пренебрегать внешними обстоятельствами жизни и бравировать своей независимостью от них к реалистическому типу поведения, предполагающему самореализацию личности в ее неперенном взаимодействии с окружающими, с миром в целом. В двучлене свобода – необходимость акценты смещаются с первого на второе понятие. Пушкин стремится найти неунизительную формулу для определения отношений с подавляющими человека надличностными силами. «Не намерен безумно противоречить общепринятому порядку вещей» (письмо В.А. Жуковскому). Или: «Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей» (записка «О народном воспитании»). Принцип, который Пушкин учится применять в собственной жизни, – понять и простить необходимость, – принцип реалистического отношения к жизни, поэт поверяет творчеством. В творчестве же он и черпает живительные духовные силы, спасающие от пошлости и примитива: «Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой». Творчество становится для Пушкина и той лабораторией, в которой вырабатывается идеальная программа жизнедеятельности личности, и тем полигоном, на котором проверяется жизнеспособность этой идеальной программы. И в творчестве, и в жизни Пушкин учится высшему искусству – искусству гармонии.

В Михайловском в период работы над первыми главами «Евгения Онегина» Пушкин с увлечением читает письма аббата Гальяни (друга Дидро, Гольбаха, Гельвеция), изданные в 1818 г. и пользовавшиеся большой популярностью в русском литературном обществе. Гальяни, как и все просветители, занятый проблемой роли воспитания в будущем личности, полемизирует с идеалистическим, с его точки зрения, подходом к воспитанию Руссо. Гальяни считает целью воспитания формирование не идеального, а реального гражданина. По Гальяни, человек должен не

навязывать обществу свои идеалы, а приспособливаться к существованию в тех условиях, которые ему предлагает общество.

Утопичность принципов жизненного поведения, отвлеченно-идеальных устремлений, категоричных нравственных требований Пушкин имел возможность испытать на собственном жизненном опыте, за что и поплатился ссылкой. Находясь в изоляции от общества, Пушкин знакомится с комедий «Горе от ума» и критически оценивает «неумное» поведение Чацкого: «Чацкий совсем не умный человек» (3, т.10, с.96). И далее: «Все, что говорит он, очень умно, но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Ретевыми и т.п.» (3, т.10, с.96,97).

Неприспособленность к жизни, отсутствие чуткости к реальности, непонимание обстановки и людей – необычные основания для критики поведения литературного персонажа. Жизненное, практическое, конкретное противопоставлено отвлеченно-идеальному с позиции не художественной целесообразности, а здравого смысла. Неспособность Чацкого понять окружающих ставится ему в вину, тогда как романтик обвиняет окружающих в непонимании, недалекости, глухоте, черствости и т.п. Беспомощность в житейских конфликтах, наивность мечтателя воспринимаются теперь как слабость, которой в качестве более достойного образца противопоставляется здравый смысл, трезвость и житейская мудрость, реальная оценка целесообразности конфликта.

С другой стороны, реальность рождающейся буржуазной формации, требующей все большей трезвости и прагматичности подхода, проходит не менее серьезную проверку на нравственную состоятельность. Герою «Пиковой дамы» Германну чужды сантименты. В прямолинейном наступлении на избранную цель он тщательно просчитывает возможности беспроблемной игры с жизнью, точно зная, что и сколько ему нужно. Для

Алеко любимая женщина была «дороже мира». Для Германна Лиза оказывается средством, ступенькой на пути к трем верным картам. Расплывчатым идеалистическим мечтаниям противопоставлен расчет, а миру грез – мир цифр. Но и рассудительный прагматик может оказаться таким же беспомощным перед жизнью, как его чувствительный антагонист.

Нереальные ожидания от жизни, вытекающие из авторского идеала, определяли возникновение и течение конфликта в романтических произведениях, герой которых становился ретранслятором заранее заданных идей. В реалистическом творчестве Пушкина, основным отличительным признаком которого, по точной характеристике В. Соловьева, является «свобода от всякой предвзятой тенденции и всякой претензии» (4, с.44), авторский идеал чужд конфликтности. «Предвзятые тенденции» и «всякие претензии» к жизни автор распределяет между героями как основу тех конфликтов, в которые они вступают. Тем самым конфликтность образа жизни, мировосприятия из объективного переводится в субъективный план. Так совершается переход к новому типу сознания, мыслящему существование человека в рамках созданного не им миропорядка, существование, не предполагающее конфликтность как основной и единственный способ жизнедеятельности, исходящее из необходимости постижения границ, законов того, что есть. Не ломать то, что создано не тобой, а включиться в существующее, найти свое место в нем, - такая задача оказывается насущной и актуальной. Пушкин ищет для творческой личности пределы творчества, не разрушающего гармонию, для героя – границы поведения, жизнедеятельности, переход через которые чреват хаосом и дисгармонией. В конфликте же испытывается не «сочиненный» в духе Ленского враг, а наиболее реальный из возможных для данного типа личности.

Соответствие представлений героя реальности является для Пушкина важнейшим критерием жизнеспособности личности. Мышление вопреки реальности – показатель наивности, неразвитости или неверного развития,

книжности, идеалистичности, за что герой расплачивается поражением в жизненных конфликтах, логика которых недоступна нереалистическим подходам. Так, с образом Ленского в роман входит романтическое мировосприятие с возвышенностью и расплывчатостью идеала, абстрактностью мысли и мечты, вольнолюбием и странностью. Ситуация романтического героя, покидающего свет ради естественных людей, бывшая точкой опоры в романтических поэмах, в романе воспроизводится в нескольких строках, когда в романтическом негодовании Ленский пытается произнести «программную речь» («Я модный свет ваш ненавижу: Милее мне домашний круг» - 3,II), но тут же останавливается иронической репликой Онегина. Сама «естественная среда» представляется в буднично-прозаическом, сниженном виде. Онегин, удивляясь, как не трудно Ленскому «там каждый вечер убивать» (3,I), набрасывает лаконичную картину помещичьего быта («Простая русская семья, к гостям усердие большое, / Варенье. Вечный разговор / Про дождь, про лен. / Про скотный двор» - 3,I), которая при его посещении Лариных в точности оправдывается.

Авторское отношение к Ленскому неоднозначно. Порой оно неприкрыто иронично. Так, дается иронический авторский перевод романтического негодования Ленского:

Он мыслит: «Буду ей спаситель,
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохом и похвал
Младое сердце искушал... и т.п. до строк
Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я (6, ХУ-ХУП).

Тем не менее трудно усомниться в симпатии автора к юному поэту, чистотой и напряженностью духовной жизни выгодно контрастирующему порочному и бездушному свету.

В размышлениях о возможной эволюции Ленского («Узнал бы жизнь на самом деле» - 6, XXXУШ-XXXIX) дается суровая оценка романтического

видения мира: незнание реальной жизни, абстрактность идеала. Ошибочно истолковывая намерения Онегина и вызывая его на дуэль, Ленский руководствуется романтическим представлением о долге защищать любимую женщину от «искусителя». Здесь Пушкин точно улавливает склонность романтического сознания создавать образ «вымышленного, сочиненного врага» и сражаться с ним не на жизнь, а на смерть. Отрешенность от жизни, неприспособленность к ней приводят героя к гибели. Показывая смерть Ленского как трагическую случайность, связывая с нею горькие раздумья о своей уходящей юности, Пушкин видит в ней и нечто закономерное, подводя тем самым беспощадный итог удаленным от жизни исканиям романтиков.

Возрастная стадия, на которой соответствие идеалу становится критерием продуктивности жизненного поведения, по Пушкину, возникает дважды: в романтической юности и в умудренной жизненным опытом зрелости, когда к идеалу возвращается обогащенная жизненными поражениями и победами личность, постигающая подлинные ценности не книжно, а лично. Иными словами, человек должен созреть, чтобы воспринимать идеал не отвлеченно-книжно, а в качестве руководства к действию, причем практического, т.е. соотнесенного с реальностью, вписанного в реальность руководства. Жизненная мудрость – это способность жить идеалом, не влекущим за собой отчуждение от жизни, но создающим и сохраняющим ее высокое духовное напряжение, обогащающим и облагораживающим жизнь личности.

Литература

1. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в.- М.: Книга, 1990.
2. Томашевский, Б. Пушкин. Кн. 1. / Томашевский. - М.;Л., 1956.
3. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин - 4-е изд. Л.: Наука, 1977-1979.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ